Антирелигиозная политика в Татарстане (1920-е гг.)

Л. А. Мухамадеева^{1, а}, А. Р. Файзуллин^{1, б}

¹ Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-0072>, e-mail: zgel21@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8522-3734>, e-mail: almazrf@rambler.ru

Резюме: в статье рассматривается антирелигиозная политика, проводимая властями Татарстана на территории республики в 1920-е гг. Источниковой базой для статьи послужили в основном материалы прессы тех лет, в частности публикации в газете «Красный Татарстан». Автор прослеживает и анализирует нарастание усилий по дискредитации религиозного мировоззрения. Борьба с исламом, как и с христианством, в этот период принимает открытый и бескомпромиссный характер. Несмотря на некоторые временные уступки в области мусульманского образования, в целом власти взяли курс на непримиримую борьбу с любыми проявлениями религиозности. Среди рабочих и крестьян в это время насаждается атеизм, разворачивается агрессивная антирелигиозная пропаганда через органы печати, закрываются мечети и медресе, также, впрочем, как и православные храмы.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда; газета; духовенство; ислам; Казань; мечеть; мулла; печать; религия; Татарстан; ураза; церковь

Для цитирования: Мухамадеева Л. А., Файзуллин А. Р. Антирелигиозная политика в Татарстане (1920-е гг.). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):438–450. DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-438-450.

The anti-religious policy of the Tatarstan Government (1920s)

L. A. Mukhamadeeva^{1, а}, A. R. Faizullin^{1, б}

¹ Sh. Marjani Institute of History of Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

^а ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8187-0072>, e-mail: zgel21@mail.ru

^б ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8522-3734>, e-mail: almazrf@rambler.ru

Abstract: the article deals with the process of implementation of the anti-religious policy by the Tatarstan authorities in the Republic of Tatarstan in 1920s. The research is based on

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

a wide range of materials, such as the 1920s newspapers and periodicals, especially the newspaper “The red Tatarstan”. The author traced the data regarding the ways and mechanisms, which were aimed to discredit the Islamic religion. Alike the Christian Creed, Islam at that time became the target of the open and acute attacks. Despite some temporary concessions with regard to the Islamic education, the authorities did firmly stick to the plan to eradicate the religious values. The atheist views were compulsory spread among the workers and peasants, the atheist propaganda filled the media, the religious centres (mosqueus, etc.) were gradually closed.

Keywords: Islam, clergy of; Islam, religion; Islam, Tatarstan, in (1920s); propaganda, atheist; Tatarstan, media of (1920); *uraza*

For citation: Mukhamadeeva L. A., Faizullin A. R. The anti-religious policy of the Tatarstan Government (1920s). *Minbar. Islamic Studies*. 2019;12(2):438–450. (In Russ.) DOI: 10.31162/2618-9569-2019-12-2-438-450.

Введение

В 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда в Автономной Татарской Социалистической Советской Республике велась как с привлечением лекторов и активистов от общественности, так и с помощью средств массовой информации. Атеистическая пропаганда затрагивала все сферы жизни людей – от быта и ведения домашнего хозяйства до брачно-семейных отношений и непосредственно религиозных обрядов и праздников. Одобрялись все действия, способные дискредитировать религию, как ислам, так и православие, – от непосещения мечетей и храмов до отказа верующих соблюдать религиозные предписания и мулл выполнять свои обязанности в мечетях и лишения сана православных священников.

С точки зрения дискредитации религии особенно выигрышно выглядели случаи отказа от веры самих религиозных исламских деятелей. Факты такого рода особо поощрялись и преподносились с большой помпой, информация о них незамедлительно доводилась до сведения широкой общественности, в частности обнародовалась в прессе. Так, в ноябре 1924 г. газета «Красная Татария» напечатала заметку о том, что восстановлен в правах гражданства Хусаин Исмагилов, сложивший с себя сан муллы¹.

Особенности антирелигиозной пропаганды в Татарской Республике

В печати появлялись материалы «исторического» характера, содержание которых, мягко говоря, было далеко от действительности. Так, сообщалось, что Нижегородским губернским архивным бюро найдено дело прогрессивной мусульманской организации, работавшей в России по объединению всего мусульманского населения, направляя его против государства. Работа якобы велась с 1660 г., и только в 1910 г. «умные дельцы» Романовы открыли эту

¹ *Красная Татария*. 1924. 1 нояб.

организацию². Здесь интересно то, что в контексте «борьбы с царизмом» ислам рассматривается как прогрессивное явление.

С одной стороны, провозглашалось, что религия и ее служители доживают последние «бесславные дни», с другой – официальная пропаганда уделяла неослабное внимание жизни и деятельности «служителей культа», непременно подчеркивая их негативное отношение к советской власти и трудящимся массам. В печати появлялась масса заметок очерняющего характера в их адрес. Так, из деревни Кармыш Арского кантона сообщали, что ежегодно самая лучшая часть лугов отводится мулле и муэдзину, тогда как в той же деревне на «месте школы стоит развалина». Из Средне-Балтаевской волости Тетюшского кантона сообщали, что мулла Мифтах за похороны не берет просто барана, а требует еще четыре пуда муки. В деревне Кудаш Арского кантона мулла, собрав сельский сход, предложил заплатить за него налог в сумме 28 руб. 40 коп. Однако помимо мелких нападок, бичующих жадность и стяжательство, якобы присущие служителям ислама, идеологическая пропаганда прямо переходила к обвинению «крупных акул» мусульманства в противостоянии советской власти и даже «открытой борьбе» с нею. Одним из таковых был объявлен известный мулла Кашаф Тарджеманов. По сообщению газеты «Красная Татария», он проездом из Москвы посетил ряд деревень Спасского района, распуская ложные слухи о том, что в данный момент никто не имеет права обучать детей в советских школах и что к вопросам брака и развода советские организации не имеют никакого отношения³.

Шел в ход также излюбленный советскими идеологами прием по организации выступлений «возмущенной общественности» в печати: устраивались диспуты антирелигиозной направленности, публиковались подборки писем рабочих и крестьян, обличающие кулаков, торгашей и религиозных деятелей. Общим врагом бедноты всех народов объявлялся «дурман религии, наиболее сильно защищавший татар-кулаков». Приводились «примеры противостояния» беднейших слоев населения и служителей ислама. Так, под влиянием агитации в 1923 г. татарская беднота Агрызского кантона каждую пятницу плотным кольцом окружала мечети и после окончания молитвы при выходе из мечети мулл и верующих вступала с ними в диспуты. В религиозных спорах принимали участие и женщины. Сами священники не всегда желали вступать с населением в дискуссии. Так, приехавший в Агрыз из Уфы представитель духовного управления уклонился от разговора с крестьянами.

Одним из ключевых моментов антирелигиозной пропаганды было широкое оповещение о том, что на местах «советские» праздники стали вытеснять религиозные. Так, народный праздник Сабантуй, традиционно отмечавшийся после сева яровых, отныне объявлялся праздником трудового крестьянства, который проводят под руководством советских местных властей, а не праздни-

² *Красная Татария*. 1924. 20 нояб.

³ Там же. 14 авг.

ком «купцов и мулл». Этому празднику приписывалась большая роль в раскрепощении женщин, они объявлялись полноправными членами общества. Отныне женщины свободно принимали участие в общественной жизни деревни, посещали собрания, избирали своих делегатов на различные съезды. Так, в Средне-Балтановской волости Тетюшского кантона женская беспартийная конференция собрала женщин из числа беднейшего населения со всех деревень. В с. Старые Шахталы Спасского кантона женщины-крестьянки вели всю работу Комитета взаимопомощи. Беднота все чаще добивалась отмены кабальных сделок, заключенных с кулаками, в чем ей активно помогали ячейки РКП(б), комсомольские организации, союз работников Земли и Леса⁴.

Уделялось много сил дискредитации такого важного для мусульман праздника, как Курбан-байрам, в том числе в печатных изданиях. В частности, автор одной из таких газетных заметок, И. Терегулов, при описании этого праздника использовал такие выражения, как «мифическое жертвоприношение», «кровавая жертва», «кровожадный бог», «отголосок варварских времен», «праздник варварства», «подкупление бога жертвоприношением», «капкан религиозного дурмана» и т.п. Муллы осуждались за то, что они в корыстных материальных интересах нагло обманывают «запуганную» бедноту. Стиль заметки соответствовал ее содержанию: автор предлагал муллам и буржуям лучше заколоть друг друга, чем животных, и таким образом принести реальную пользу человечеству. «Вооружившись знанием, народные массы освободятся от ежегодной шкурной и мясной (конечно, и самогонной) повинностей в пользу мулл», – оптимистично заканчивал статью И. Терегулов⁵.

Во время Уразы и Курбан-байрама в печати регулярно появлялись гневные статьи и материалы, «разоблачающие» их и другие мусульманские мероприятия. Так, в газете «Красная Татария» к празднику Курбан-байрам была опубликована статья о никчемности и ложности паломничества мусульман в Мекку. Читателям «разъяснялось», что этот «сказочный сюжет» с жертвоприношением животного вместо человека целиком и полностью взят из Библии. Жертвоприношение, как и паломничество мусульман к святым местам, были заимствованы арабами у «неверных», т.е. языческих предшественников, сам по себе хадж преследует интересы лишь торговой аристократии. В целом, по утверждению автора статьи, хадж является источником крупных доходов правящих кругов Хиджаса и в целом Хиджасо-Неджского королевства⁶, население которого совсем не занимается производительным трудом и существует лишь на доходы от хаджиев. Валютные доходы от хаджа в 1929 г. составили 4,5–5 млн фунтов стерлингов. Приводя эти «обличительные» сведения, автор заключает, что хадж это – «позорная страница в исто-

⁴ *Красная Татария*. 1924. 12 июля.

⁵ Там же. 13 июля.

⁶ Хиджасо-Неджским королевством называлась страна на западе Аравийского п-ва, до 1916 г. находившаяся в составе Османской империи; с 1932 г. – Саудовская Аравия. – Л. М., А. Ф.

рии человечества». Все это делается лишь в «шкурных интересах небольшой кучки государственной и купеческой знати, а также духовенства... является оплотом эксплуатации, грабежа и идеологического развращения трудящихся масс... безбожники должны бороться – и они борются – и против хаджа и связанных с ним курбанов»⁷.

Ураза – мусульманский пост – объявлялась вредным явлением, наносящим человеку моральный и физический вред. На казанских предприятиях выявлялись рабочие-татары, «истязаемые» себя уразой, их поведение широко осуждалось. Таковые были выявлены среди работниц-татарок текстильной фабрики им. Ленина, рабочих-татар фанерного завода № 3 и завода № 40 им. Ленина. Отмечалось, что антирелигиозная деятельность на заводе № 40 им. Ленина поставлена на уровне: устраиваются атеистические диспуты и доклады, ставятся спектакли, есть специальное радиовещание, не забыты красные уголки, плакаты и т.п. А вот вопрос об уразе завод, где работает большое количество рабочих-татар, упустил.

Отрицательно характеризовалась в этом отношении и текстильная фабрика им. Ленина. Как писали в газетах, антирелигиозная работа там считалась излишней, ненужной и мешающей основной работе. Секретарь цеховой ячейки прядильного цеха Шакиров вовсе выгнал инструктора Областного совета СВБ (Совет воинствующих безбожников. – Л. М., А. Ф.) Алексину, прибывшую проверить ход кампании против уразы⁸.

Позже, в самом начале 1930 г., было опубликовано постановление ТНКТ (Татарский народный комиссариат труда. – Л. М., А. Ф.). Ввиду того что большинство предприятий и учреждений перешло на 5-дневку, и вопрос празднования религиозных праздников отпал, за исключением некоторых учреждений, составляющих меньшинство, ТНКТ по согласованию с ТСПС постановил: «Во изменение постановления ТНКТ от 15.09.1928 – 08.03. 1929 года С.У. № 11 ст. 101 – все религиозные праздники, установленные по Татарстану на основании ст. 112 КЗоТ, по желанию самих рабочих и по согласованию с администрацией могут быть присоединены к очередному отпуску или какому-либо революционному празднику»⁹.

В противовес православной и мусульманской религиям приветствовалась деятельность всякого рода сектантов. Секты, преследуемые при царском режиме, практически сразу после революции 1917 г. встали на сторону советской власти. В 1920-е гг. официальная антирелигиозная пропаганда активно использовала их в борьбе против ислама и православия, а сектанты всемерно демонстрировали властям свою лояльность. Так, в октябре 1924 г. Советом народных комиссаров было получено официальное приветствие от съезда сектантов:

⁷ Паломничество мусульман в Мекку – основа бюджета Хиджасо-Недждского королевства. *Красная Татария*. 1930. 9 сент.

⁸ *Красная Татария*. 1931. 4 февр.

⁹ Там же. 1930. 1 марта.

«Казанский районный съезд в числе 40 человек, ознакомившись с постановлением 13-го съезда коммунистической партии, с чувством глубокой радости отмечает благожелательное отношение к сектантам и находит в этом залог благоденствия нашего края»¹⁰.

Покровительство, оказываемое сектантам, не мешало официальным властям жестко бороться с религиозным мировоззрением мусульманского и православного населения, закрывать храмы и мечети. Так, президиум ТатЦИКа в феврале 1924 г. вынес постановление о закрытии мечетей: № 2 по ул. Захарьевской, № 5 по ул. Тукаевской и № 18 в Дальне-Архангельской слободе. Здания мечетей передавались горсовету для оборудования в них студенческих общежитий¹¹.

Борьба с религиозным образованием верующих мусульман

В этот период, однако, время от времени власти позволяли себе в отношении верующих мусульман некоторые послабления. Так, 9 июня 1924 г. Президиум ВЦИК по настоянию ЦДУМ принял постановление, где признавал возможным обучение арабской грамоте и религии в мечетях во внешкольное время для учеников, достигших 14-летнего возраста или окончивших советскую школу I ступени. После решения ВЦИК количество религиозных школ резко возросло. Так, в Бугульминском кантоне в мае 1926 г. советских школ было 89, а религиозных – 143, в Мензелинском кантоне соответственно 103 и 110. Всего по республике в 1925 г. религиозных школ было около 100–150, и в них обучались 5–6 тыс. человек, а в 1926 г. стало соответственно 800 школ и 30 тыс. учеников.

Однако такое положение продлилось недолго: 10 декабря 1926 г. на заседании Совнаркома РСФСР рассматривался вопрос о работе Татарской Республики, в том числе и о религиозном движении, где был поднят вопрос о необходимости борьбы с религиозными школами. Вскоре представителями агитпропотдела ОК, ТатЦИКа, народных комиссариатов внутренних дел и просвещения была разработана инструкция по вопросам регулирования деятельности религиозных школ. В дальнейшем указанная инструкция была принята как постановление Обкома партии с некоторой поправкой. В частности, вместо прежней формулировки, гласившей: «Допускать к обучению в религиозных школах, достигших 14-летнего возраста или окончивших советскую школу 1-й ступени» было предложено: «Допускать к обучению в религиозных школах окончивших советскую школу 1-й ступени и достигших 14-летнего возраста». Замена в тексте «или» на «и» имела принципиальное значение, так как в деревнях практически не было школ I ступени. Таким

¹⁰ Красная Татария. 1924. 12 окт.

¹¹ Там же. 11 февр.

образом, в религиозные школы закрывалась дорога практически всей деревенской молодежи [1, с. 60–61].

В итоге в июне 1928 г. Президиум ВЦИК отменил свои прежние постановления по вопросу преподавания мусульманского вероучения. На основании данного решения Президиум ТатЦИК в ноябре 1928 г. постановил отменить действие инструкций НКВД и НКЮ Татарской Республики по данному вопросу и разослал всем начальникам административных отделов, заведующим отделами народного образования кантонных и районных исполкомов циркуляр с разъяснением – не выдавать разрешения на открытие религиозных школ в предстоящем учебном году, а выданные в прошлом учебном году аннулировать [2, с. 128–129].

Еще одной формой борьбы с религией стала организация союзов безбожников, которые действовали по всей стране, в том числе и в Татарстане. В январе 1927 г. объявлялось о созыве 1 февраля первого съезда Союза безбожников Татарии. В повестке дня значились: рассмотрение состояния религиозного движения в Татарской Республике, форм и методов религиозной работы, выборы руководящих и контролирующих органов. От каждого кантона на съезд делегировались по два представителя, за исключением Арского кантона, который посылал трех человек¹². Съезд закончился 3 февраля, в его ходе был намечен ряд конкретных мероприятий по дальнейшему развитию антирелигиозной работы¹³.

На съезде отмечалось усиление религиозного движения в начале 1926 г., которое, по мнению выступавших, начало принимать антисоветское направление. Лозунг об открытии религиозных школ рассматривался как движение новой растущей буржуазии, стремящейся к своему идеологическому оформлению. Отмечалось, что некоторые льготы в выборах 1926 г. дали возможность «пролезть» в советы ряду лиц, так или иначе связанных с духовенством.

Так, в ноябре 1926 г. председатель одного из поселков Бугульминского кантона допустил постройку мечети из лесного материала, предназначенного для отопления больницы. Председатель сельсовета Арского кантона выделил лучший участок земли в пользование мечети, а для посева на отведенной мечети земле собрал семена. В то же время он затянул вопрос о ремонте советской школы. Другой сельсовет в Свияжском кантоне самочинно собрал 400 пудов хлеба на «религиозные нужды деревни». Секретарь одного сельсовета Бугульминского кантона был замечен в агитации против советской школы и поднял вопрос об увольнении учителя за антирелигиозный подход в его работе¹⁴.

¹² *Красная Татария*. 1927. 11 янв.

¹³ Там же. 6 февр.

¹⁴ Там же. 4 февр.

Борьба с «религиозным фактором» на всех фронтах, включая сельское хозяйство

Кооперация объявлялась одним из «участков фронта», где духовенство борется за свое влияние. Выявлялись нежелательные элементы, просочившиеся в кооперативы и мешающие «кооперативному строительству». Так, в Бугульминском кантоне список ячейки в кооператив переделывался два раза, в результате чего в кооператив проник мулла. При этом считалось, что религиозный фактор оказывает негативное влияние даже на надои молока, то есть мешает сельскохозяйственным достижениям. Критерием в этом вопросе стал такой ординарный предмет, как сепаратор. Так, отмечалось, что в Бугульминском кантоне большинство сепараторов находится в руках мулл, а сами муллы и «муллихи» получили, таким образом, возможность распространять вредную агитацию среди женщин, приносящих обрабатывать молоко. Так, сепаратор стал неким «орудием» политической борьбы, поскольку считалось, что организация молочных артелей и других кооперативных структур задерживалась из-за противодействия мулл.

Мусульманское духовенство обвинялось в тайной и прямой агитации против советской власти. Это объяснялось наличием среди служителей ислама «реакционных людей», которых поддерживала определенная часть крестьянства из числа верующих мусульман. Отмечалось, что подобные случаи агитации усилились после появления партийной оппозиции, которая в значительной степени поддерживалась религиозными деятелями. «Момент разногласий в партии является самым благоприятным моментом для нажима на советскую власть», – утверждал один мулла в Мамадышском кантоне. В Буинском и Мамадышском кантонах муллы проводили среди крестьян открытую агитацию, убеждая население в том, что советской власти скоро придет конец. В Елабужском кантоне духовенством проводилась кампания против переписи населения. Обвинялось духовенство (как православное, так мусульманское) и в разжигании межнациональной ненависти между русскими и татарами¹⁵.

На съезде было отмечено, что в первую очередь религиозные деятели используют свое влияние, чтобы воздействовать на верующих с целью настроить их против советской власти. Второй их целью признавалось укрепление материального положения пострадавшего от властей духовенства. С этой целью духовенство, как православное, так и мусульманское, организовывало кассы взаимопомощи, создавались некие делегатские собрания (Арский кантон, Татарстан) в мечетях, в домах, квартирах мулл. Главными руководящими лицами подобных «женотделов» были «муллихи». Подобные методы духовенством практиковались и среди молодежи. В целом духовенство ориентировалось на широкую «демократию», проводились отчеты о съездах, массовые

¹⁵ Красная Татария. 1927. 4 февр.

отчетные собрания. По данным участников съезда, в 1926 г. по Татарской Республике было открыто около 1000 религиозных школ, не считая подпольных. При этом все выступавшие на съезде утверждали, что духовная школа не может дать знания.

Отмечалось, что темп развития религиозного движения ослаб к концу 1926 г., и отныне духовенство стремится вновь усилить работу с изменением методов деятельности. Если ранее духовенство само «рвалось в бой», то сейчас оно действует через темное крестьянство, которое придает этому противостоянию свой смысл, содержание. Объявлялось, что это уже не чисто религиозное движение, а борьба за экономическое, а отсюда и политическое господство. В связи с этим правительством Татарской Республики был выработан ряд мер к улучшению работы в советской школе и расширению ее сети. Кроме разоблачений классовой сущности в деятельности духовенства и ведения культурно-просветительской работы, говорилось о необходимости строго учитывать особенности текущего момента и тесно увязывать антирелигиозную пропаганду с насущными хозяйственными и политическими задачами. Разоблачение религии было не самоцелью, а одним из средств вытеснения из сознания трудящихся религиозных взглядов. Должны были быть учтены все особенности жизни трудящихся и фактор принадлежности их к определенной национальности. Ставилась задача создания актива и привлечения широких масс в Союзы безбожников¹⁶.

По результатам I съезда безбожников Татарской Республики в республиканской печати публиковались статьи, заметки, доклады и интервью с делегатами. Один из делегатов из Бугульминского кантона, Мамлеев, в беседе с корреспондентом рассказывал, что религиозное движение в его кантоне характеризуется двумя направлениями: плановым, руководимым Уфимским духовным управлением мусульман, и неорганизованным, стихийным, связанным с отсталостью населения. Оба движения не имеют углубленного массового характера, но как расширяющееся явление представляют опасность охвата более широких слоев населения.

В течение мая 1926 г. в волостях кантона прошли собрания верующих с вынесением около 90 резолюций с требованием о предоставлении полных гражданских прав духовенству, возврате школ муллам и т.д. В 1926 г. в кантоне числилось 137 религиозных школ с 4144 учащимися.

Стремясь укрепить свое влияние, духовенство активно привлекало к своей деятельности женщин. Наблюдались откровенные попытки наладить тесные отношения с бедняцко-батрацкой частью населения путем организации помощи бедноте (кассы взаимопомощи). Опорой религиозного движения в Бугульминском кантоне Мамлеев называл 650 мулл, 550 мутавачей, 250 белогвардейцев, 750 кулаков и торговцев.

¹⁶ Красная Татария. 1927. 4 февр.

В конце 1920-х гг. все же отмечался спад религиозного движения, что объяснялось углублением антирелигиозной работы со стороны партийных и советских организаций. На тот момент в кантоне имелись 11 деревенских и три городских ячейки безбожников. В городе работал антирелигиозный кабинет, снабженный литературой, вокруг которого собрался большой беспартийный актив, принимающий деятельное участие в антирелигиозной работе. Также имелись 15 сельскохозяйственных кружков и 80 пунктов антирелигиозного направления¹⁷. Другой делегат съезда – Климочкин от Чистопольского кантона – на страницах печати рассказывал об антирелигиозной политике против православных. Он утверждал, что «выбросить иконы, обругать бога, попа» – это еще не работа. Крестьяне, как правило, обращаются к безбожникам с практическими, жизненными вопросами, что требует знаний, чтобы заменить ими религию¹⁸.

На заседании Центрального совета СБ 3 февраля 1927 г., т.е. в последний день съезда, было принято решение: «Борьбу с религией надо начать с изменения и перевода алфавита на латынь»¹⁹.

В плане антирелигиозной борьбы местные организации, в соответствии с постановлениями и решениями ЦК партии, работали усердно. В частности, постановление Татарского обкома ВКП(б) от 29 октября 1927 г. о мероприятиях по дальнейшему усилению антирелигиозной пропаганды в республике призывало местные организации придать антирелигиозной пропаганде систематический и плановый характер, тем самым «добиваясь оживления массовой антирелигиозной работы, кружковой и создания антирелигиозного актива. АПО ОК ВКП(б) предлагалось давать на местах систематическое освещение деятельности духовенства и указания (методические и организационные) о наилучших способах и методах борьбы с ним». Здесь же перед ЦК большевистской партии в срочном порядке ставится вопрос о выделении средств для деятельности Союза безбожников и издания антирелигиозного журнала в Казани [1, с. 62].

«Мир безбожникам, война мечетям!»

29 сентября 1928 г. издается постановление Президиума ВЦИК о передаче культовых зданий при их закрытии в пользование культпросветучреждений для всех национальностей. С 1928 г. под непосредственным контролем НКВД начинается массовая конфискация недвижимости церквей и мечетей. Кампания проводилась под видом добровольной передачи церковного имущества верующим. Вместе с тем сохранились жалобы верующих на произвол властей, подмену документов. Например, жители деревни Кадырово

¹⁷ 11 деревенских ячеек безбожников. *Красная Татария*. 1927. 4 февр.

¹⁸ Уничтожить то, что осталось от пут церкви. *Красная Татария*. 1927. 4 февр.

¹⁹ ЦГА РТ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

Башкирской АССР в своей жалобе во ВЦИК с недоумением писали: «Раз религия, вера отделены от государства, так почему же без нашего разрешения закрывают мечети?» (цит. по: [1, с. 62]).

Следующей формой борьбы с религиозными деятелями было обвинение их в эксплуатации трудовых масс. Так, в августе 1929 г. состоялся суд над муллой С. Максудовым из деревни Кульбаш Менделинской волости Арского кантона. Максудова (бывшего члена Государственной думы, имеющего родственников за границей) обвиняли в многолетней эксплуатации батраков и в неуплате («прикрываясь милостью Аллаха») положенных взносов, в «нарушении кодекса законов о труде». Ему вменялись в вину невыдача расчетной книги и страховки батраку Ш. Хуснутдинову, работавшему у него мельником 15 лет, а также «увиливание» от договора, взносов и соблюдения трудовых норм при приеме на работу батрака Загидуллина. За «злостную эксплуатацию» трудящихся он был приговорен к судебной ответственности. Приговором суда на Максудова наложен штраф в сумме 200 рублей с уплатой задолженности соцстраху 463 рублей и батраку Загидуллину 64 рублей²⁰.

Конец 1929 г. и самое начало 1930 г. ознаменовались массовым закрытием на территории Татарстана объектов религиозного назначения. В сентябре 1929 г. на заседании Президиума ЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТССР слушалось ходатайство Заречного (ныне Кировского) райсовета г. Казани о закрытии мечети № 14 на Большой улице в Адмиралтейской слободе. В итоге было решено договор, заключенный Казгорсоветом с религиозной общиной мечети № 14, расторгнуть, мечеть закрыть с передачей здания мечети Заречному райсовету для использования под культурное и просветительское учреждение²¹.

Согласно данным Национального архива Республики Татарстан, к 1930 г. постановлением Президиума ЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ТССР всего по г. Казани были закрыты следующие мечети: мечеть № 11, мечеть № 14 (Адмиралтейская слобода), мечеть № 7 (ул. Московская), мечеть № 19 (Ягодная слобода), мечеть № 15 (слобода Восстания), мечеть № 2 (ул. Захарьевская), мечеть № 5 (ул. Тукаевская), мечеть № 4 (ул. Ухтомского)²². В июле 1931 г., в связи с «желанием рабочих коллективов книжной фабрики им. Камиля Якуба», была закрыта мечеть б. Галимзяна Баруди. Казгорсовету предложено оформить передачу здания мечети дирекции книжной фабрики²³. Закрытие мечетей и церквей объяснялось инициативой самих трудящихся.

²⁰ *Красная Татария*. 1929. 7 авг.

²¹ НА РТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 757. Л. 9.

²² Там же. Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1423. Л. 10–10 об.

²³ Там же. Д. 1472. Л. б/н.

Выводы

На основе приведенных материалов источников можно сделать следующие выводы. В 1920-х гг. в Татарстане происходила полномасштабная борьба с религиозными воззрениями населения. Несмотря на некоторые временные послабления, борьба была бескомпромиссной. Применялись разные формы и методы борьбы: непосредственная агитация и пропаганда, воздействие через средства массовой информации, запрет религиозных праздников и памятных дат, организация атеистических обществ (как правило, агрессивных), обвинения религиозных деятелей в эксплуатации, поощрение «сознательных трудящихся» и т.п. Систематическая и планомерная работа дала свои результаты: в конце 1920-х – начале 1930-х гг. удалось закрыть немало мечетей и церквей с конфискацией имущества, дискредитировать многих религиозных деятелей, а самое главное – оказать значительное антирелигиозное влияние на сознание масс.

Список сокращений

ЦГА РТ – Центральный государственный архив Республики Татарстан

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

Источники

ЦГА РТ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.

НА РТ. Ф. Р-5852. Оп. 1. Д. 757; Ф. Р-372. Оп. 1. Д. 1423; Д. 1472.

Красная Татария. 1924. № 33 (3609). 11 февраля; № 56. 12 июля; № 57. 13 июля; № 84. 14 августа; № 135. 12 октября; № 152. 1 ноября; № 165 (2043). 20 ноября; 1927. № 8 (2681). 11 января; № 28 (2701). 4 февраля; № 30 (2703). 6 февраля; 1929. № 176 (3453). 7 августа; 1930. № 49 (3625). 1 марта; № 104. 9 сентября; 1931. № 28. 4 февраля.

Литература

1. Сайдашева М. А. Декрет СНК РСФСР о «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и его осуществление. В: Абдуллин Я. Г. (ред.) *Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ; 1994. С. 60–61.

2. Набиев Р. А. *У истоков массового атеизма*. Казань: Таткнигоиздат; 1984.

References

1. Saidasheva M. A. A Decree of the Soviet of the People's Commissars of the Russian Soviet Federal Socialist Republic "On separation of church from state and school from church" and its implementation. In: Abdullin Ya. G. (ed.) *A Border between Islam and Christianity. The prospects of further research*. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences; 1994. Pp. 60–61. (In Russ.)

2. Nabiev R. A. *Beginnings of the atheist propaganda*. Kazan: Tatknigoizdat; 1984. (In Russ.)

Информация об авторах

Мухамадеева Лилия Абдулахатовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация.

Файзуллин Алмаз Равилович, соискатель степени кандидата исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация.

Information about the authors

Lilya A. Mukhamadeeva, Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher, Sh. Marjani Institute of History of Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation.

Almaz R. Faizullin, Ph. D Candidate (Hist.), Sh. Marjani Institute of History of Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declares that there is no conflict of interest.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 21 января 2019 г.
Одобрена рецензентами: 25 февраля 2019 г.
Принята к публикации: 5 марта 2019 г.

Article info

Received: January 21, 2019
Reviewed: February 25, 2019
Accepted: March 5, 2019